

Khalepa ta kala¹

Вы были последней мечтой моей души... С тех пор как я увидел вас, меня стало мучить раскаяние, а ведь я думал, что давно покончил счеты со своей совестью; и я слышал отголоски давно умолкших голосов, призывавших меня к более возвышенным помыслам. В голове моей стали бродить смутные мысли о возрождении, я хотел начинать жизнь сызнова, стряхнуть с себя всю эту грязь и мерзость и возобновить давно заброшенную борьбу со своими страстями. Но это были мечты, только мечты...

*Чарльз Диккенс,
«Повесть о двух городах»²*

¹ «Красота жестока» (др.-греч.).

² Пер. Е. Бекетовой.

ПРОЛОГ

Изгой среди мертвых

Все звуки, все очертания предметов вязли в густом тумане, накрывшем город. В разрывах туманной пелены виднелась мокрая черная улица, а за шумом дождя Уилл различал голоса мертвых.

Далеко не все Сумеречные охотники могли слышать призраков — если, конечно, те сами не хотели, чтобы их услышали, — но Уилл Эрондейл мог. Когда он приблизился к старому погосту, отдельные голоса слились в нестройную симфонию криков, стенаний и проклятий. Уилл не впервые приходил на Кладбище скрещенных костей близ Лондонского моста и знал, что его нельзя назвать местом мирного упокоения. Он сгорбился и втянул голову в плечи, чтобы прикрыть уши воротником. Капли дождя блестели на его черных волосах.

До входа на кладбище — кованых железных ворот в высокой каменной стене — оставалось всего полквартала; любой оказавшийся рядом простец не увидел бы за ними ничего, кроме клочка заросшей бурьяном земли. Приблизившись к воротам, Уилл разглядел еще кое-что скрытое от глаз простых смертных: большую бронзовую колотушку в виде костяной руки. Недовольно поморщившись,

он взялся за нее и трижды приподнял и отпустил. Гулкий звон разнесся в ночной тишине.

За воротами туман поднимался от сырой земли густым паром, скрывая мерцание костей. Полупрозрачная дымка мало-помалу сгущалась, испуская призрачное голубоватое свечение. Уилл положил руки на решетку ворот; казалось, холод металла проникает сквозь перчатки прямо в кости. Уилл невольно вздрогнул — то был необычный холод. Когда призраки встают из могил, они высасывают тепло из всего, до чего дотянутся. Сумеречный охотник почувствовал, как зашевелились волосы на затылке: из голубого тумана перед ним медленно соткался силуэт старухи в рваном платье и белом переднике. Призрак висел в воздухе, опустив голову.

— Привет, Молли, — произнес Уилл. — Нынче вечером ты прекрасна, как никогда.

Привидение подняло голову. Старая Молли была одним из самых сильных духов, которых Уиллу доводилось встречать. Даже когда в разрыве облаков мелькнула луна, призрачное тело осталось плотным и непрозрачным, почти неотличимым от настоящего. Тугая коса желтовато-седых волос падала Молли на плечо, грубые красные руки упирались в бока. Вот только глазницы ее чернели двумя провалами, и в глубине их трепетали голубые огоньки.

— Уильям Эрондейл, — промолвила она. — Не ожидала увидеть тебя так скоро.

Молли скользнула к воротам с невесомой грацией призрака. Ноги ее были босы и грязны, хотя никогда не касались земли.

Уилл прислонился к решетке.

— Я соскучился по твоему прелестному личику.

Молли ухмыльнулась; огни в глазницах вспыхнули ярким светом, и под полупрозрачной кожей Уилл различил очертания черепа. Облака над кладбищем снова сомкнулись, закрывая луну. Интересно, подумал про себя Уилл, что же такого Молли натворила, что ее похоронили здесь, на неосвященной земле? Жалобные голоса призраков над Кладбищем скрещенных костей принадлежали по большей части проституткам, самоубийцам и мертворожденным младенцам — тем изгоям среди мертвых, кому путь на церковное кладбище был заказан. Впрочем, Молли и здесь неплохо устроилась, так что, надо полагать, жаловаться ей было не на что.

— Так что тебе нужно, юный нефилим? — спросила она. — Яд Мальфаса? Если что, у меня тут заваялся коготь одного демона-моракса. Отлично отполированный, никто и не заметит ядовитого кончика...

— Нет, — покачал головой Уилл. — Мне нужен порошок демона-форайи. Хороший, мелкий порошок.

Молли отвернулась и сплюнула завитком голубого пламени.

— И для чего же он понадобился такому славному молодому человеку?

Уилл подавил тяжелый вздох: Молли никогда не отказывала себе в удовольствии поторговаться. Он уже не раз приходил к ней по поручению

Магнуса: сначала за вонючими черными свечками, которые липли к рукам, как смола, потом за костями нерожденного ребенка, затем за мешком фейских глаз — из-за него Уилл испачкал кровью рубашку. По сравнению с этим порошок демонафорай казался вполне безобидным.

— За дурочку меня держишь? — не унималась Молли. — Это ведь ловушка? Поймаешь меня на торговле такими штуками, и все, прощай, старушка Молли!

— Но ты ведь уже мертва, — напомнил Уилл, стараясь не выдать раздражения. — Что тебе может сделать Конклав?

— Пф-ф, — снова сверкнула глазами Молли. — Безмолвным Братьям все равно, кого держать в своих подземных темницах, живых или мертвых. Уж кому, как не тебе, об этом знать, Сумеречный охотник!

Уилл поднял руки с раскрытыми ладонями.

— Успокойся, старушка, все по-честному. Ты наверняка знаешь, какие слухи ходят по Нижнему миру. У Конклава сейчас есть дела поважнее, чем ловить призраков, торгующих демоническими порошками и кровью фей. — Он снова подался вперед. — Я хорошо заплачу.

Уилл вытащил из кармана батистовый мешочек и картинно встряхнул его. По кладбищу разнесся слабый звон, похожий на звяканье монет.

— Все как ты любишь!

Лицо мертвой женщины исказилось от жадности. Уплотнившись еще больше, она выхватила из руки Уилла мешок и высыпать на ладонь его со-

держимое — золотые обручальные кольца, каждое с «любовным узелком». Старая Молли, как и многие призраки, без устали искала свой талисман, потерянный кусочек прошлого, который позволит ей умереть окончательно, разорвав узы, удерживающие ее в этом мире. Молли было нужно обручальное кольцо. По словам Магнуса, оно давно лежало на илистом дне Темзы, но старуха приняла в уплату любые кольца в тщетной надежде найти свое.

Ссыпав украшения обратно в мешок, Молли торопливо спрятала его в складках прозрачного платья и протянула Уиллу пакетик с порошком. Охотник сунул товар в карман и поднял глаза на привидение, которое уже начало таять.

— Погоди-ка, Молли. Мне нужно еще кое-что.

Призрак замерцал; жадность в нем боролась с нетерпением, да и сохранение облика требовало недюжинных усилий. — Ну ладно. Что тебе нужно? — наконец проворчала Молли.

Уилл замялся. Магнус поручил ему добыть только демонический порошок, но сейчас он собирался спросить кое о чем для себя.

— Любовное зелье...

Молли визгливо рассмеялась.

— Любовное зелье? Для Уилла Эрондейла? Не в моих привычках отказываться от выгоды, но уж кто-кто, а ты прекрасно обойдешься без таких штук.

— Нет, мне нужно... — Уилл отчаянно подбирал слова. — Не приворотное, а такое, чтобы наоборот, положить конец любви.

— Отворотное зелье? — прищурилась Молли. —
Чтобы тебя возненавидели?

— Скорее что-то вроде зелья равнодушия.

Старуха фыркнула — звук вышел на удивление человеческим.

— Боюсь тебя огорчить, нефилим, но заставить девушку себя ненавидеть — проще простого. И тут ты прекрасно справишься без моей помощи.

С этими словами Молли растаяла в клубящемся между могил тумане. Уилл проводил взглядом призрак старой проститутки и вздохнул:

— Это не для нее, — прошептал он едва слышно, прижимаясь лбом к холодной кладбищенской решетке. — Это для меня.

1

В зале совета

Над головой прекрасный свод повис,
Где кверху арки поднимались;
Взлетая вверх и опускаясь вниз,
Там ангелы встречались.

Альфред Теннисон «Дворец искусств»¹

— **О** да! Все в точности, как я себе представляла! — воскликнула Тесс и улыбнулась стоявшему позади нее молодому человеку.

Джеймс Карстерс, в элегантном темном костюме и со взъерошенными ветром серебристыми волосами, улыбнулся в ответ. Он только что помог девушке переступить через лужу и все еще вежливо держал ее за руку, чуть повыше локтя. В другой руке он сжимал трость с нефритовым набалдашником, но если в текущей мимо них толпе кто-то и счел необычным, что столь юный джентльмен ходит с тростью, или обратил внимание на болезненную бледность его лица, то виду не подал.

— Сочту это комплиментом, — сказал Джем. — Я уже начал волноваться, что Лондон тебя окончательно разочарует.

¹ Пер. с английского Эммы Соловковой.